

САНКТ – ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ани Рахмат

**КОНЦЕПТ *СЕМЬЯ* В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2013

Работа выполнена на Кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университета»

Научный руководитель: **Якименко Надежда Егоровна**
кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: **Селиверстова Елена Ивановна** - доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Николаева Елена Каировна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Российский государственный гидрометеорологический университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО Псковский государственный университет

Защита диссертации состоится “10” октября 2013 года в 18 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу:

199034, Санкт - Петербург, Университетская наб., д. 11, Филологический факультет, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан “ _____ ” 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.В. Вяткина

Общая характеристика работы

В последнее десятилетие активизировался интерес к изучению пословиц с лингвокультурологических позиций. Лингвокультурология является одним из наиболее крупных направлений языкознания, которое сформировалось в рамках антропоцентрической парадигмы. Лингвокультурология изучает взаимовлияние языка и культуры, интерпретирует те или иные языковые проявления с точки зрения категорий культуры, конструирования в языке «представлений, когнитивной основой которых является культурная среда, обуславливающая способ мышления и формирование концептов определенной культуры» [Картушина 2004:118] Лингвокультурология, в силу своего интереса к пространству культуры и национальной ментальности, воплощенной в языке, «способствует взаимопониманию и взаимоуважению в процессе межкультурного общения» [Васильева 2002]

Исследование языковой картины мира вообще и пословичной картины мира в частности расширяет границы лингвистики. Благодаря когнитивным методам язык предстает не только как система лексических, грамматических и фонологических единиц, не только как система правил коммуникативного поведения в определённом этнокультурном и социальном контексте, но и как «система вербализованных знаний о мире» [Сусов 2007].

Актуальность диссертации обусловлена тем, что исследование проводится в рамках сопоставительной лингвокультурологии – одного из направлений современной антропоцентрической научной парадигмы, т.е. в рамках двух основных направлений лингвокультурологии – паремиологическом и сопоставительном. Актуальность исследования концепта *семья* связана с важностью описания основных культурных концептов современной концептосферы, с отсутствием описания национальной специфики и показа языковой объективации исследуемого концепта на материале паремий на фоне индонезийского языка, необходимого в целях оптимизации межкультурной коммуникации.

Паремии частотны в художественных и публицистических текстах, используются носителями языка в разговорной речи. Одной из наиболее объёмных групп являются паремии, репрезентирующие концепт *семья*, базовый концепт для любой лингвокультуры.

Паремии, вербализующие концепт *семья*, присутствуют во всех языках, а их национальная специфика проявляется в различии избранных в той или иной культуре эталонов, образов, стереотипов.

Актуальность предложенного исследования состоит также в рассмотрении роли паремиологических единиц в представлении концепта *семья* как одного из базовых элементов менталитета, как русского, так и индонезийского народов.

Объектом исследования являются русские и индонезийские паремии, репрезентирующие концепт *семья*.

Предметом исследования служит лингвокультурологический потенциал исследуемых паремий.

Гипотеза исследования заключается в том, что выявление ассоциативных концептуальных признаков будет проходить более корректно, если описание будет проводиться на фоне другого (неродственного), в нашем случае, индонезийского языка. Выявление особенностей семантики, национально-культурной маркированности паремий, репрезентирующих концепт *семья*, позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне установок культуры, стереотипов, образов и символов двух культур, и сделать выводы о некоторых специфических чертах русской ментальности.

Таким образом, **целью** работы является лингвокультурологическое исследование русских паремий **о семье** на фоне индонезийского языка, для выявления национальной специфики изучаемого фрагмента русской языковой картины мира. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. описание теоретической базы исследования на основе анализа научной литературы по основным затрагиваемым проблемам и, в первую очередь, по изучению концептуального описания паремиологического материала.
2. отбор паремиологических единиц для лингвокультурологического анализа;
3. анализ русских и индонезийских паремиологических единиц в аспекте лингвокультурологии.
4. выявление сходств и различий в рассматриваемом фрагменте языковых картин мира на материале установок культуры, репрезентируемых паремиями русского и индонезийского языков

Материалом для исследования послужили русские фразеологические и паремиологические словари: Словарь В.И. Даля «Пословицы русского народа», «Словарь пословиц и поговорок» В.И. Зиминой, А.С. Спирина, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Большой словарь пословиц» Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К., Словарь «Пословицы. Поговорки. Загадки» Мартыновой А.Н., Митрофановой В.В., «Русский фразеологический словарь» Фелицыной В.П., Мокиенко В.М., «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Индонезийский **материал** извлечен преимущественно из следующих источников: Л. Колосса «Индонезийские народные пословицы и поговорки», J. S Badudu «Kamus Peribahasa ‘Словарь пословиц’»; N.A Chaniago, B. Pratama «770 Peribahasa Indonesia» - 770 Индонезийских пословиц; Suprpto «Kamus Peribahasa Indonesia» - Словарь Индонезийских пословиц; R. Maskar Gandasudirdja «700 Peribahasa Indonesia» - 700

Индонезийских пословиц; K. St. Pamuntjak, N. St. Iskandar, A.Dt. Madjoindo « Peribahasa» - Пословицы. Используются также следующие источники: словари символов; этнолингвистические, энциклопедические и этимологические словари.

Научная новизна исследования заключается

- в комплексном подходе к исследованию русских паремий **о семье** с точки зрения их лингвокультурологического потенциала на фоне индонезийского языка;
- в работе представлена паремиологическая объективизация концепта *семья* в русском языке на фоне индонезийского языка в лингвокультурологическом аспекте;
- в уточнении содержания термина пословица в индонезийском языке;
- в выявлении иерархически организованной структуры установок культуры концепта *семья* в русском языке на фоне индонезийского;
- в выявлении и классификации установок культуры, вербализованных паремиями русского языка, что впервые проводится на фоне индонезийского языка;
- в выявлении условий, способствующих вербализации установок культуры;
- в определении роли установок культуры в формировании национальной языковой картины мира.

Теоретическая значимость состоит в обосновании вербализации концепта *семья* путём выделения культурных установок на паремиологическом материале как важной составляющей русской языковой картины мира; в выделении установок культуры в русском и индонезийском языках, как общих, так и лакунарных по отношению друг к другу. Полученные результаты могут быть использованы в теории учебной паремиографии, лингвокультурологии и переводоведении.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов непосредственно в практике преподавания русского языка как иностранного (в частности, в индонезийской аудитории), при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, фразеологии и паремиологии, в практике составления лингвокультурологических и двуязычных словарей, в практике перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Национально - культурные особенности паремий русского языка **о семье**, заключаются в различной расстановке семантических акцентов, наличии/отсутствии и количественном преобладании того или иного разряда единиц.
2. Концептуальное представление в сравниваемых языковых картинах мира опирается на народные культурно-исторические традиции, вербализация установок культуры в каждом из рассмотренных языков базируется на паремиях, использующих реалии

культуры, соответствующей страны, что и обуславливает национальный характер пословиц, отражение в них некоторых черт менталитета народа-носителя языка.

3. Концепт *семья* является актуальным для современного русского и индонезийского языкового сознания, имеет в русском и индонезийском языках обширное номинативное поле, репрезентированное широким кругом лексических, фразеологических и паремиологических единиц.
4. Русский и индонезийский концепты *семья* имеют сложную структуру, представляющую собой интегральную совокупность ряда более конкретных, по отношению к нему, микроконцептов: *мать, отец, дети, муж, жена и т.д.*
5. Русский и индонезийский концепты *семья* имеют как существенные типологические сходства, так и отличия. Наличие противоречивых признаков в энциклопедическом и интерпретационном поле свидетельствуют о проявлении национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социокультурными особенностями двух народов.
6. Являясь самостоятельной частью национальной языковой картины мира, паремии, в силу своей большей консервативности по сравнению с лексической картиной мира, аккумулируют и сохраняют основные наиболее устойчивые установки культуры, свойственные носителям того или иного языка.
7. Интерпретация паремиологических единиц с точки зрения стоящих за ними ментальных установок, свойственных носителям разных лингвокультур, позволяет реконструировать целостные ментальные образы, и служат доказательством существования единого лингвокультурного кода отдельного народа.

Теоретико-методологические **основы** диссертационного исследования составили труды - по теории лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации: В.В. Воробьёв, Д.О. Добровольский, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков; - по проблемам концепта: С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин; - по проблемам фразеологии: В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермяков, Е.И. Селиверстова, М.Ю. Котова, Л.Б. Савенкова, Е.В. Иванова; - по проблемам лингвокультурологического описания паремий: Л.Б. Воробьёва, Ю.А. Железнова, Е.А. Кострубина, А.С. Трущинская, Е.В. Иванова, Д.Н. Давлетбаева, Е.В. Добровольская, М.В. Матвеева М.А. Терпак, Н.Н. Рухленко.

Для реализации поставленных задач использовались следующие **методы и приемы** исследования: метод сплошной выборки, применяемый для выявления корпуса паремиологических репрезентантов концепта *семья* в русском языке; методы лексикографического, концептуального, лингвокультурологического анализа лексики,

фразеологии и паремиологии; сопоставительный метод, способствующий выявлению универсального и национально-специфического в языках и культурах.

Апробация работы. По материалам диссертации сделаны и обсуждены следующие научные доклады:

1. Паремиологическая вербализация концепта *семья* в русском и индонезийском языках: Фразеологический семинар при межкафедральном словарном кабинете им. Проф. Б.А. Ларина 26.10.11 в Санкт-Петербургском государственном университете.
2. Паремиология и паремиография в индонезийской лингвистике. XL Международная филологическая конференция СПбГУ. 14-16 марта 2011 года
3. Термины *родства* в русской и индонезийской лингвистике. XIV Международная научная конференция «РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ», под эгидой РОПРЯЛ, Санкт – Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена
4. Термины родства в русском и индонезийском языках как фрагмент национальной картины мира. XVII научно-методическая международная конференция "Нравственное воспитание студентов в процессе преподавания русского языка и литературы". Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 03.02.12.
5. Культура Минангкабао и ее влияние на развитие терминов родства в индонезийской культуре. XLI Международная филологическая конференция СПбГУ. 23-31 марта 2012 года
6. Паремиологическая вербализация концепта *жена* в русском языке (на фоне индонезийского языка). Международная филологическая конференция ПГУ, Псков, 26-28 апреля 2012 года.
7. Паремии с компонентом *семья* в русском языке (на фоне индонезийского языка) XVIII научно-методическая международная конференция "Русский язык и русская литература в XXI веке: развитие, изучение, обучение". Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 05.02.13.
8. Вербализация микроконцепта *дети* в русском языке (на фоне индонезийского языка) XLII Международная филологическая конференция СПбГУ. 11-16 марта 2013 года.

Приведённые выше цель и задачи настоящего диссертационного исследования определили **структуру работы**. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы и двух Приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи. Выдвигается научная гипотеза, указываются материал, теоретико-

методологические основы, методы и приёмы исследования, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту

Первая глава «Лингвокультурологические основы исследования концептов на паремиологическом материале», в которой представлена теоретическая база исследования, включает семь разделов и три подраздела. В первом разделе **«Лингвокультурология как научная дисциплина»** рассматриваются проблемы определения лингвокультурологии как теоретической филологической науки, которая исследует способы представления знаний о мире носителей языка через изучение языковых единиц разных уровней; рассматриваются цели, задачи, объект и предмет лингвокультурологии как научной дисциплины. В подразделе **«Основные понятия лингвокультурологии»** рассматриваются различные единицы, отражающие маркированные образы культуры в языке, такие как лингвокультуремы, логоэпистема; дается определение термина установка культуры. В целях интерпретации культурных смыслов особую важность приобретают паремии как единицы, репрезентирующие диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического, которое объединяет содержание языкового знака и культурного смысла, потенциально присутствующего в значении этой единицы. В подразделе **«Языковая картина мира (ЯКМ) как базовое понятие лингвокультурологии»** разграничиваются понятия «картина мира» (КМ), «языковая картина мира» (ЯКМ), «национальная языковая картина мира» (НЯКМ). При описании языковой картины мира культурологический аспект находит свое отражение на всех уровнях языка, но особенно ярко он проявляется в пословицах и поговорках. Это позволяет исследователям говорить о *пословичной картине мира*. Паремиология покрывает преимущественно те участки действительности, которые непосредственно связаны с отдельным человеком или социумом и наиболее наглядно отражают картину мира (Н.Н.Семененко). Пословичная картина мира понимается как отдельный фрагмент языковой картины мира, как когнитивная структура, в которой процессы когниции (познания) тесно взаимосвязаны с социальными и культурными характеристиками жизни народов (Е.В.Иванова). Особенностью пословичной картины мира является назидательный, рекомендательный характер подачи информации, который позволяет рассматривать паремии не только как кладезь житейской мудрости, но и как вполне функциональный на сегодняшний день свод рекомендаций по обустройству общества и межличностных отношений (Н.Н.Семененко).

Лингвокультурологический анализ паремий заключается в сопоставлении интерпретаций пословичных выражений о каком-либо объекте и выявлении общего и национально – специфического в ассоциативных связях русского и индонезийского языкового сознания.

В подразделе «**Концепт как основная единица лингвокультурологии**» определяется понятие концепт, анализируются различные классификации концептов, отличие концепта от других единиц знания. В данной работе концепт рассматривается как основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней. Ценностная составляющая концепта является отражением национального менталитета народа. Эмоционально - оценочный и нравственно - ценностный компоненты национального менталитета (О.А.Корнилов) формируют аксиологическую оценку, субъективно-национальное отношение к тому, что отражается в языке. Вербализация концепта рассматривается как описание через языковую оценку ценностей, принятых в данной лингвокультуре.

Во втором разделе «**Изучение паремий русского языка в лингвистическом аспекте**» анализируются проблемы изучения паремий в русском языкознании. В современной науке нет единого мнения по поводу того, к какой области лингвистики относятся пословицы и поговорки. В ряде работ пословицы рассматриваются как особый тип вторичных языковых знаков, включаемых в круг фразеологических единиц (Н. М. Шанский, Л. Ф. Козырева, В. Т. Бондаренко и др.). С. И. Ожегов считал, что «пословицы и поговорки выходят за пределы собственно фразеологии языка», поскольку имеют «законченную синтаксическую структуру предложения» и «синтаксически членимы» (С.И.Ожегов 1974). Паремии выведены за пределы фразеологии в работах Г. Л. Пермякова, Ю. А. Гвоздарёва, В. П. Жукова, Л. Б. Савенковой. Исключение пословиц из числа фразеологических единиц не означает одновременного отказа паремиям в статусе языковых знаков. Сторонники Санкт-Петербургской фразеологической школы выделяют пословицы и поговорки как особое направление лингвистических исследований - паремиологию (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, М.Ю.Котова). Под термином *паремия* большинство современных исследователей понимает единицы народного происхождения, прежде всего, пословицы и поговорки. Но существует и широкое понимание данного термина, так Г.С. Воркачѳ в качестве видов паремий признает не только пословицу и поговорку, но и загадку, присловье, афоризм. Вслед за Л.Б. Савенковой мы считаем, что расширение объѳма понятия, выражаемого термином паремия, лишает слово связи с этимоном и делает его семантически нечетким. В своей работе мы придерживаемся узкого понимания данного термина, то есть мы рассматриваем его как родовой термин, объединяющий понятия пословица и поговорка.

Особенную трудность в русской лингвистике представляет разграничение пословиц и поговорок. Данная проблема обсуждается в работах таких ученых как В.П. Жуков, З. К. Тарланов, В.М. Мокиенко, Г. Л. Пермяков, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Е.В.Иванова,

Е.И.Селиверстова, Л.Б.Савенкова, В.Н.Телия, А.Н.Баранов, Д.О.Добровольский. Под термином *пословица* в данной работе, вслед за В.М. Мокиенко, понимается логически законченное образование, образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией, а термин *поговорка* понимается как фразеологизм в узком смысле слова. Ценным для нашей работы представляется наблюдение Л.Б. Воробьёвой, которая считает, что *ёмкостью смысла и законченностью пословица отличается от поговорки, не обладающей подобной самостоятельностью и обобщенностью смысла*, однако граница между пословицами и поговорками столь гибка и подвижна, что в лингвистических работах последних лет авторы всё чаще называют их паремиями, паремиологическими единствами, отказываясь от более четкого разграничения.

В третьем разделе **«Изучение паремий русского языка в лингвокультурологическом аспекте»** в качестве базы для лингвокультурологического анализа рассматриваются словари пословиц и поговорок. Первой в этом ряду можно считать книгу М.И. Снегирёва «Русские в своих пословицах». Большое значение для лингвокультурологических описаний имеют такие словари как: сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа», «Юридические пословицы и поговорки русского народа» И.И. Иллюстрова, «Русские пословицы библейского происхождения» И.М. Сирот, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Школьный словарь живых русских пословиц» В.М. Мокиенко.

Исследованию паремий в лингвокультурологическом аспекте посвящены работы таких исследователей как В.Н.Телия, Е.В.Иванова, Л.Б.Савенкова, Н.Н.Семенов, Ф.Ф. Фархутдинова, Л.Б.Воробьёва. Наиболее активное изучение фразеологии в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах ведётся учеными московской фразеологической школы во главе с В.Н.Телия. Эта школа базируется на исследовании языковых сущностей с позиции рефлексии носителя живого языка, это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры

В целом же все исследователи сходятся во мнении, что пословицы обладают огромным лингвокультурологическим потенциалом, они являются «автобиографией народа», «зеркалом культуры», что делает интересным их изучение в плане реконструкции пословичного представления о мире и описания различных характеристик культуры того или иного народа.

В четвёртом разделе **«Изучение концепта *семья* в лингвокультурологическом аспекте»** рассматриваются различные способы изучения концепта *семья* в работах российских исследователей. К изучению концепта *семья* русские лингвокультурологи обращались неоднократно: Ю.А. Железнова 2009; Е.А. Кострубина 2010; А.С. Трущинская

2009; Е.В. Иванова 2006; Д.Н. Давлетбаева 2010; Е.В. Добровольская 2005; Е.С. Сироткина 2007; А.А. Мамедгасанова 2009; М.В. Матвеева 2007; М.А. Терпак 2007; Н.Н. Рухленко 2006. Все работы, посвященные изучению концепта *семья*, условно можно разделить на две группы: работы, сделанные на материале только русского языка: Бирюкова Е.В. 2001; Матвеева М. В. 2007; Занегина Н. Н. 2008; Белякова И.Е], и работы, сделанные в рамках сопоставления с другими языками [Железнова 2009, Трущинская 2009, Кострубина 2010, Давлетбаева 2010 и др. В названных работах концепт *семья* описан комплексно, как сложная когнитивная единица и социокультурная константа (поликонцепт) в диахронно-синхронном аспекте, определены ядерные и периферийные содержательные компоненты концепта; выявлены тенденции использования имени концепта и его ближайших ассоциатов в русской языковой картине мира в сопоставлении с другими языками. В качестве средств вербализации концепта *семья* авторы используют концептуальные метафоры (Железнова 2009, Трущинская 2009, Кострубина 2010), выделяют лексико-семантические составляющие концептуального поля (Кострубина 2010); определяют когнитивные признаки исследуемого концепта: *члены семьи связаны брачными отношениями; семья – группа людей; семья ведёт совместное хозяйство* (Трущинская 2009). Спорадически используется авторами способ вербализации концепта путём описания установок культуры, как одного из способов выявления культурных смыслов концепта.

В пятой части «**Паремиология и паремиография в индонезийской лингвистике**» внимание уделяется особенностям развития индонезийской паремиологии и паремиографии. Русская паремиография имеет более чем 300-летнюю историю развития. Индонезийская паремиография берёт своё начало в XX веке. Первый известный печатный сборник пословиц датируется 1914 годом. «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010) содержит около 70 000 тысяч пословиц. Все словари пословиц индонезийского языка включают не более 12 000 единиц. Пословица в индонезийской лингвистике является понятием более широким, чем в русском языке, однако сопоставимым по признакам устойчивости, воспроизводимости и образности, по значению и функции в речи. Пословица в индонезийском языке транслирует опыт народа из поколения в поколение, является украшением как письменной, так и устной речи, имеет нравоучительный характер. В целом, русская и индонезийская научная традиция обнаруживают отсутствие единства в трактовке паремий. Имеются также расхождения в понимании данных явлений между российской и индонезийской научными традициями. Это создает объективные трудности при отборе материала для анализа и соотнесении русского и индонезийского пословичного материала. Для реконструкции концепта *семья* в работе использовались не только пословицы индонезийского языка, но и фразеологизмы, и фразеологические

сравнения, которые способствовали вербализации ментальных установок, свойственных носителям индонезийской лингвокультуры.

В шестом разделе «**Термины родства в русском и индонезийском языках как фрагмент национальной картины мира**» сопоставляются термины родства для выявления лакун и соответствий в двух языках. В русском языке путём сплошной выборки из Современного толкового словаря русского языка С.А. Кузнецова выделено 42 термина родства, в индонезийском языке из словаря *Badudu – Zain, Kamus Umum Bahasa Indonesia* - 29 единиц. Эти термины составляют лексическое наполнение трёх основных микрополей концепта *семья*: Родственные отношения, Брачные отношения и Неродственные отношения. В поле Родственные отношения соотносимы по значению 14 слов: *отец, мать; сын, дочь; брат, сестра; дядя, тетя; племянник, племянница; бабушка, дедушка; внук, внучка*. Особое значение для передачи особенностей индонезийской семьи имеют слова *дядя и племянник (племянница)*. В русской культуре эти термины не отражают тех социальных особенностей, которые характерны для индонезийской культуры. В поле *Брачные отношения* входит 14 терминов русского языка и 9 единиц индонезийского языка. Асимметрия связана с тем, что с двумя русскими терминами свойства соотносится один индонезийский термин: *Жених, невеста – Tunangan; Зять, невестка – Menantu; Сват, сватья – Besan*. Для обозначения родителей мужа и жены в русском языке используются 4 слова: *тесть, теща; свёкор, свекровь*. В индонезийском языке эти слова обозначены только одним термином – *Mertua*. Пяти терминам русского языка, обозначающих братьев и сестёр мужа и жены по отношению к другим членам семьи (*Деверь/Золовка/Свояк/Свояченица/Шурин*), в индонезийском языке соответствует один термин – *Irag*, который может быть уточнён вспомогательными словами. Лакунарными для русского языка являются наименования жён в мусульманской семье (вторая жена, третья жена - *Madu, istri kedua, ketiga, keempat (bagi orang Islam)*). Эти термины в русском языке могут обозначать, как правило, последовательность жен у одного мужчины, в индонезийском языке – это обозначение жен одного мужа, сосуществующих одновременно. В поле *Неродственные отношения* входит 9 терминов русского языка и 4 единицы индонезийского языка. В семантическом поле *Неродственные отношения*, отражающем религиозные отношения в семье, отмечены следующие особенности: лакунарным по отношению к индонезийскому языку являются термины *кум, кума, крёстные братья и сёстры*. Индонезия исповедует ислам, только 6% населения являются христианами. Однако это явление нашло своё отражение в языке в терминах *крёстный (отец) и крёстная (мать) (Ayah remandian, ibu remandian); крестник и крестница*, обозначенных одним термином: (*Anak remandian*). Русский язык характеризуется дробным членением микрополя терминов родства, более разветвленной системой родства в целом в

отличие от индонезийского языка. В русском языке наметилась общая тенденции к упрощению номенклатуры родства, об этом свидетельствует появление описательных оборотов *брат жены, сестра мужа, сестра жены, брат мужа* взамен существующих в языке *шурин, золовка, свояченица, деверь*. В индонезийском языке, напротив, расширение терминов родства происходит довольно активно за счет появления дублетов-синонимов, которые возникают благодаря заимствованиям из голландского, английского, арабского и племенных языков Индонезии.

В седьмой части работы «**Культура Минангкабао и её влияние на развитие терминов родства в индонезийской культуре**» удалось выделить дополнительные оттенки значения терминов родства в индонезийской лингвокультуре. Рассмотрение фактов экстралингвистического характера показало, что исторически сложившийся тип нукlearной русской семьи, состоящей из родителей и детей, где главой семьи является отец, соотносится с тремя различными типами индонезийской семьи (как нукlearной, так и общинной): с матрилинейной филиацией; с патрилинейной филиацией (в том числе и мусульманской, признающей многоженство); со смешанной родительской (отцовской и/или материнской) филиацией.

Вторая глава «Лингвокультурологическое описание концепта *семья* в русском языке (на фоне индонезийского)»

. Концепт *семья*, описанный, в основном, на материале паремий словаря В.И. Даля (около 80%), репрезентирует патриархальную крестьянскую семью XVIII – XIX веков в русской языковой картине мира. Семья, описанная в индонезийских паремиях, соответствует тому же периоду. Интерпретация паремиологических единиц с точки зрения стоящих за ними установок культуры, позволяет реконструировать ментальные образы, свойственные носителям двух лингвокультур, и является доказательством существования единого лингвокультурного кода, вербализованного в русском и индонезийском паремиологическом пространстве.

Достижению цели послужило проведение ряда исследовательских процедур. Поскольку «зарождение» концепта связано с корнем слова, проводилось этимологическое описание слова-имени концепта, прослеживалась его репрезентация в однокоренных словообразовательных производных от ключевого слова: чем древнее слово и чем больше его словообразовательное гнездо, тем большей ценностью обладает данное слово для русской лингвокультуры (микрконцепты *мать, дети, жена*). Далее паремии с компонентом – именем концепта подвергаются когнитивной интерпретации «в форме обобщения паремиологических смыслов», сведение близких смыслов к одному более обобщенному смыслу (И.А.Стернин). Когнитивные признаки, выделенные в результате данной процедуры,

ложатся в основу описания ментальных установок культуры, как способа вербализации концепта с учетом аксиологической оценки, выраженной средствами языка на материале паремий.

В ходе исследования было установлено, что культурные смыслы точнее и нагляднее выделяются с опорой на предварительное акцентирование аксиологической оценки, выраженной паремиями (*семья*); выделение паремийных биномов (микрконцепт *отец*), с опорой на тематическую группировку паремийного материала (микрконцепт *дети, муж*). Когнитивные признаки, формирующие культурные смыслы, легче выделяются в группах паремий с прямым значением, для выделения установок культуры на материале паремий, содержащих метафорический подтекст, необходимо привлечение этимологических и энциклопедических знаний (микрконцепт *дети*). Выделение концептуальных метафор в исследуемом материале даёт наглядное представление о различиях в национальных языковых картинах мира.

Отобранные из паремиологических словарей единицы верифицировались с помощью анкетирования и опроса носителей русского языка. Анкетирование проводилось на третьем и четвёртом курсах русского бакалавриата, на первом и втором курсах магистратуры в 2011 и 2012 годах. Все испытуемые (45 человек) по специальности филологи, возраст испытуемых от 20 до 25 лет. Единицы, которые были совершенно неизвестны носителям языка (*Ведь ты не духовный отец, а и мой не последний конец*), извлекались из списка анализируемых единиц. Кроме того, анкетирование и последующий опрос показали, что в случае незнания самой единицы, информантам была понятна и знакома вербализованная пословицей культурная установка. Такие единицы оставались в списке. Архаичные и малоупотребительные пословицы, выражая устаревшие знания о мире, способны отражать неизменившиеся черты менталитета народа.

В результате сплошной выборки из словарей пословиц русского и индонезийского языков отобрано около 1250 паремий русского и 134 паремии индонезийского языка. В первую очередь для анализа привлекались паремии с компонентом *семья* и паремии, отражающие понятие *семья* в русской и индонезийской лингвокультурах (82/28).

Первый раздел «Паремии, отражающие понятие *семья* в русской лингвокультуре» посвящен анализу паремиологического материала двух языков, репрезентирующего понятие *семья*. В теоретической части работы, на основе анализа научной литературы и данных русских и индонезийских толковых словарей выделены три семантических поля, объективирующие концепт *семья*: семантическое поле *Родственные отношения*, семантическое поле *Брачные отношения*, семантическое поле *Неродственные отношения*.

На материале паремий наиболее многочисленными оказались следующие группы единиц семантического поля *Родственные отношения*: паремии с компонентами *мать* (около 150 в русском языке и 29 в индонезийском); паремии с компонентом *отец* (215/5); паремии с компонентами – обозначениями *ребёнка* (350/30).

В семантическом поле *Брачные отношения* наиболее многочисленными оказались паремии с компонентом *муж* (85/21); паремии с компонентом *жена* (159/23); паремии с оппозицией *муж - жена* (163/15)

Лексико-семантическое поле *Неродственные отношения* на паремийном уровне в русском языке практически не представлено. Не удалось обнаружить паремий с компонентами *крёстный отец*(1), *крёстная мать*(0), *крестник* (2). С компонентами *кум, кума* обнаружено менее пятидесяти единиц. С компонентом *сосед* обнаружено около тридцати паремий.

Для анализа отбирались паремии, отражающие понятие *семья* (82/38). Данная группа паремий способствовала вербализации имени концепта. В состав макроконцепта *семья* вошли микроконцепты *мать, отец, дети, муж, жена*.

Анализ паремий, составляющих концепт *семья*, их символической значимости, с учетом национальной и культурной специфики, позволяет выявить большой спектр установок культуры, важнейшими из которых являются следующие: У человека должна быть семья: *Не женат – не человек; С мужем - нужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой; Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться; Когда нет семьи, так и дома нет; Земля без воды - мертва, человек без семьи – пустоцвет; Семья — опора счастья. Главой семьи является муж: *Не петь куре петухом, не быть бабе мужиком; Жена верховодит, так муж по соседям ходит*. Инд. – *Прятаться за пучком (жениных) волос*. Так говорят о муже, который находится у жены *под каблуком*. Эта единица выражает отрицательную оценку мужа, который не является главой семьи. Хорошую жену трудно найти: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде; Выбирай корову по рогам, а девку по родам (по родителям); Хороших не отдают, а плохую взять не хочется; Бился, колотился, а хорошей жены не добился. Измена одного из супругов разрушает семью: *Жить было в совете, да разные дети; Знаться с кумою, расстаться с женою; Отец был Флор, а детки – Петровичи. Дети – главное в жизни родителей: Дом с детьми – базар, без детей – могила; Детей нет – жена пустоцвет; Семья без детей, что часы без гирьки*. Инд. – *Ребёнок приносит радость*.**

Для русского народа эталоном хорошей семьи стала семья дружная, живущая в любви и согласии, в ладу: *Где совет, тут и свет, где любовь, там и Бог; Где мир да лад, там и божья благодать; Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там*

только лишь вздоры. Хорошая семья обеспечивает душевный и физический комфорт каждому её члену: Семья – печка: как холодно – все к ней собираются; В семье и смерть добро, на чужбине и жизнь худо; В семье и смерть красна; Вся семья вместе, так и душа на месте; В родной семье и каша гуще; В семье и каша лучше естся;

Главное достоинство хорошей семьи – согласие: *Семья крепка ладом; Не надобен и клад, коли в семье лад; Согласною семью беды обходят; Согласною семью горе не берёт; Семейное согласие всего дороже; В семье любовь да совет, так и нужды нет; Хорошая семья – это дружная семья: В семье все за одного и один за всех; Семья воюет, а один горюет; Хорошая семья учит хорошему: Добрая семья прибавит разума-ума. Однако и в хорошей семье бывает всякое: В семье всего бывает. И в хорошей семье бывают изъяны: В семье не без урода, а уроду всё не в угоду; В большой семье не без урода.*

Плохая семья – это семья, в которой нет согласия и уважения друг к другу: *В семье разлад, так и дому не рад; В большой семье не щелкай клювом; Все в семье спят, а невестке молотить велят. Метафорическая модель разлад, раздоры – ссоры служит для представления концепта семья с негативной точки зрения: Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры; В семье разлад, так и дому не рад.*

В индонезийской лингвокультуре хорошей является семья дружная, в которой все живут *Как бамбук с берегом*, т.е. дружно, душа в душу. Такой семье не страшны невзгоды, дружная семья всё преодолет, такую семью трудно разрушить: *Воду на куски не разрубишь. В такой семье всякое бывает, всё плохое проходит, забывается, и семейная лодка плывёт дальше: Вода с водой сольётся, а мусор к берегу прибьётся, Лодка проплывёт, а ряска сойдётся. Хорошая семья стремится к счастью и процветанию: Вести лодку к острову надежд; Вести семейный корабль к берегу мечты.*

Отрицательно оценивается в индонезийской культуре человек, который: *огородил себя бамбуковыми кустами* ‘заботиться только о себе, о своей семье, пренебрегая другими родственниками’; *Выбрасывает камни со двора* ‘помогает чужим в ущерб своим’; *Ловит рыбу в глиняном горшке* ‘ищет выгоду за счет своих близких’.

Семья несёт ответственность за каждого своего члена: *Стыд между родственниками не поделишь, он на всю семью падает (русск.); Отрежешь нос, испортишь лицо (индонез)* ‘если опозорился один из членов семьи, то в ответе за это вся семья’. Дурной нрав одного из членов семьи портит не только собственную репутацию, но и репутацию всей семьи, в таком

случае говорят: *Целый садок рыбы испорчен одной (тухлой) рыбой* (Ср.: *одно гнилое яблоко целый воз портит*); *Худая мораль, худая и слава*.¹

Если кто-либо из-за ссоры с родственниками готов разорвать узы родства он просит *отрезать кусок ротанга*. Ротанг очень прочное крепкое вязкое дерево, которое является в индонезийской культуре символом объединения, силы. Отсюда выражение *разрубить ротанг* обозначает разрыв очень прочных семейных отношений.

Рассыпавшийся *уголёк* является в индонезийской культуре символом разрыва семейных отношений: *Порвалась нитка – можно связать, рассыпался уголёк – раз и навсегда – ‘разведясь с женой, ты не всё теряешь, можно жениться снова, а, разойдясь с родными, ты теряешь всё, воссоединиться трудно’*. Оба символа и *ротанг*, и *уголёк* объединены в одной единице: *Разрубить ротанг, раскрошить (испортить) уголёк – ‘разорвать семейные отношения’*.

Крушение судна является метафорой крушения семьи: *И тали сломались, и лопарь лопнул – ‘если умирает кормилец, то семья погибнет, ей придётся очень туго’*. *Тали и лопарь* – морские термины, детали ходовой части корабля. Крушением грозит семье потеря здоровья: *Дерево, сучья, ветки – всё стало хрупким – ‘во всей семье нет ни одного крепкого (здорового) человека; никто из членов семьи не в состоянии трудиться’*. Осуждается в индонезийской культуре человек, который забывает о своей родной семье: *Забыла горошина о своём стручке*. Не вызывает уважения и человек, который плохо отзывается о своей семье: *Хлопнешь (шлёпнешь) ладонью по воде на подносе, обрызгаешь своё же лицо*. (В русском языке: *Сор из избы не выноси, а в угол смети, да в печке сожги*). Русской единице *выносить сор из избы* в индонезийском языке соответствует единица *раскрывать пахнущие потом подмышки* – рассказывать о недостатках членов своей семьи чужим людям. Внутренний образ этой единицы довольно прозрачен, вызывает неприятные ассоциации и соотносит два действия по признаку: *неприятно, недопустимо*.

Реальный мир, окружающий человека, определяет его мышление. Индонезия островная страна с жарким климатом, окруженная множеством морей и океанов, что находит своё отражение в языке, в жару вода дарит прохладу и комфорт. Метафорой, которая используется при описании семьи в индонезийской паремиологии, является *вода*: *Воду на куски не разрубишь ‘дружная семья преодолет все невзгоды’*. Частотно также использование тематических групп лексики, связанных с понятием *вода*: лодка, корабль; берег, остров, рыба: *Вести лодку к острову надежд; Вести семейный корабль к берегу мечты; И тали сломались, и лопарь лопнул; Вода с водой сольётся, а мусор к берегу прильётся; Лодка*

¹ В примечаниях к переводу этой единицы А.К. Оглоблин отметил, что слово *total* указывает на недавнее происхождение этой единицы, и что, вероятнее всего, эта единица появилась в среде интеллигенции.

проплывёт, а ряска сойдётся; Цельй садок рыбы испорчен одной (тухлой) рыбой; Ловит рыбу в глиняном горшке; Сильный поток раскидывает камни; Брось доброе зерно в море – остров вырастет.

Россия – северная, холодная страна, в русских пословицах *семья* ассоциируется с тем, что дарит тепло – с печью: *Семья – печка: как холодно – все к ней собираются.*

Климатические особенности двух стран, их географическое положение продуцируют разные метафоры восприятия семьи. Для жаркой Индонезии *семья* – это вода, то, что дарит прохладу в знойный день, для северной России *семья* – это печь, то есть то, что дарит тепло, когда человеку холодно.

Таким образом, в русском и индонезийском языках, которые не связаны ни структурно - генетически, ни ареально, не имеющих длительных культурно-исторических контактов, мы находим сходства в установках культуры, выраженные средствами фразеологии и паремиологии. Национально - специфичными являются языковые средства выражения культурных смыслов, конкретные формы и способы реализации значения, характерные для определённой культуры.

Во втором разделе **«Репрезентация концепта *мать* в русской лингвокультуре»** рассматриваются установки культуры, репрезентирующие микроконцепт *мать* в двух лингвокультурах. На материале паремий двух языков выделены следующие совпадающие в русском и индонезийском языках ментальные установки: мать – это самое дорогое, что есть у человека: *Родную мать никем не заменишь/Мать нужно уважать в два раза больше, чем отца*; мать – символ добра, заботы и ласки: *Сердце матери лучше солнца греет/Мать – символ спасения (счастья)*; мать любит своих детей безусловной любовью: *Хоть дитя и криво, а отцу с матерью мило/Если мать богата, дочь становится принцессой; если дочь богата, мать становится служанкой*; хорошая мать воспитывает своих детей в любви, но и в строгости: *Мать – потатчица не жалеет своего ребёнка, а жалит*; плохая мать та, которая слишком балует своих детей или о них не заботится: *Своего ребёнка голодным оставить, чтобы кормить обезьян в джунглях (инд)*; в воспитании детей не всё зависит от матери: *Дети одной матери и те разные бывают/В том, что у тебя несчастная судьба, виновата не мать*. Результаты проведённого лингвокультурологического анализа 150 русских паремий с компонентом *мать* на фоне их индонезийских соответствий позволяют сделать вывод о том, что в целом большинство культурных установок, выраженных в паремиях двух языков, совпадают.

Как в русском, так и в индонезийском языке, слово *мать* используется в брани, это объясняется тем, что мать – для человека обеих культур – это самое святое, что есть у него в жизни, и самая большая обида и оскорбление – это оскорбление его матери. В русском и в

индонезийском языках слово *мать* (*мама, матушка*) используются в названии страны (*Русь – матушка, Родина – мать*), городов (*Москва – матушка, Одесса – мама*) и других неодушевленных предметов (*Волга – матушка, зима – матушка*), что говорит об особенном отношении русских к этим реалиям, воспринимаемым как родные, одушевленные, сравниваемым с близким человеком – матерью. В составе паремий данные названия встречаются редко, нам удалось зафиксировать только один такой пример паремии более позднего образования: *Москва – матушка, Одесса – мама, а Магадан – мать его за ногу* [Зимин, Спирин 2006] В индонезийском: *ibu pertiwi – мать родина, ibu kota – мать городов, столица*. Несовпадения фиксируются на уровне внутреннего образа паремии, на уровне лексического состава единиц двух языков, на уровне культурных установок микроконцепт *мать* характеризуется полным совпадением в понимании роли матери в семье, в оценке ее действий.

В третьем разделе «**Репрезентация микроконцепта *дети* в русской лингвокультуре**» в соответствии с тематикой и проблематикой изречений выделено несколько групп. Для анализа данного микроконцепта было отобрано более 200 паремий русского и около 56 паремий индонезийского языка. На материале русских паремий выделено четырнадцать установок культуры, на материале индонезийского языка – восемь. Совпадают в обеих лингвокультурах пять установок культуры: *Дети похожи на своих родителей: По отцу и дитяtko, по матери и дочь/Молодой побег бамбука растёт недалеко от своего корня*; *Родители должны любить своих детей: И ворона воронят хвалит/И тигр своего детёныша не растерзает*; *Взрослые дети приносят больше проблем, чем маленькие: Маленькие детки не дают спать, большие не дают дышать/Маленький ребёнок приносит радости, а большой - неприятности*; *Детей нужно воспитывать в строгости, но и в любви: Не всё таской, ино и лаской /Любишь ребёнка – иногда поколотит*; *Детей нельзя (не следует) баловать: Неладны те ребятки, коих не журят ни батьки, ни матки /С кем в детстве слишком нянчатся, тому всю жизнь нянька нужна*.

Лакунарными для русского языка на материале паремий оказались положения о том, что: свой ребёнок всегда лучший: *Красивее всех – чужая жена, самый лучший – свой ребёнок*; хороший ребёнок – это ребёнок, которому уделяли много внимания: *Как одно яйцо на всё гнездо, высиженное наседкой*; суть человеческой личности не меняется с детства и до смерти: *Тигрёнок никогда не станет козлёнком*. Паремии разных языков редко совпадают по образности, внутренней форме, лексический состав этих единиц может существенно отличаться. Так о сходстве родителей и детей в русском языке можно сказать *Яблоко от яблони недалеко катится*, а в индонезийском - *Молодой побег бамбука растёт недалеко от своего корня*. Данные единицы различны по лексическому составу и внутренней форме, но

по своему значению и по культурной установке они сходны: дети похожи на своих родителей.

В четвёртом разделе «**Репрезентация микроконцепта жена в русской лингвокультуре**» подробному анализу подверглись 159 паремий русского и 12 паремий индонезийского языка. Пословичный прототип *жены* в русском языке нам представляется следующим: очень важна хорошая жена: *Добрая жена венец своему мужу; Мир в семье женой держится*; жена помогает мужу: *Муж за гуж, жена - за другой*; жену нужно слушать и уважать: *Женский ум лучше всяких дум; Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матушки; Жену не слушаешь, всухомятку покушаешь*; хорошая жена бережёт честь мужа: *Доброю женою и муж честен*; хорошая жена – умная: *Умная жена – как нищему сума: всё сбережет*; хорошая жена – это хорошая хозяйка: *Добрая хозяйка дороже золота*; хорошая жена рождает и воспитывает детей: *Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу*; внешняя красота в жене не главное: *Не наряд жену красит, а домостройство; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; С лица не воду пить, умела бы пироги печь*; хорошая жена – домоседка: *Доброй жене домоседство не мука*; для семьи важнее не молодость, а здоровье жены: *Жена молода – лишняя сухота; Больная жена мужу не мила; Не надо и коровы, была бы жена здорова*; в жене ценится верность: *Чужой муж мил, да не жить мне с ним*; самое большое несчастье в семье – злая жена: *От пожара, от потопа и от злой жены - Господи, сохрани!*; плохую жену муж должен воспитывать (бить): *Люби жену как душу, а трясина как грушу (бей как шубу)*; жена управляет мужем слезами и лестью: *Женская лесть не вода, а невода; Женский обычай – слезами беде помогать*. В индонезийской лингвокультуре хорошая жена ассоциируется с озером: *Озеро под горой (telaga di bawah gunung)* - ‘женщина, приносящая счастье мужу’. Думаем, что появление этого образа также связано с жарким тропическим климатом Индонезии: вода приносит прохладу и отдохновение. Метафора «водного пространства» распространяется и на ситуацию развода: *Плоха лодка, плоха и пристань (buruk perahu buruk pangkalan)* - ‘дав развод жене, покинуть дом’.

В пятом разделе «**Репрезентация микроконцепта отец в русской лингвокультуре**» анализируется 115 пословиц русского и 15 – индонезийского языка. Отец в русской лингвокультуре соотносится с функцией авторитетного главы семьи и воспитателя: *Отец сына не на худо учит; На отца суда нет*. Положительной аксиологической оценки заслуживают такие качества отца как 1) умение копить, наживать (обеспечивать благосостояние семьи); 2) умение не просто вспоить, вскормить, а воспитать, научить уму-разуму: *Не то отец, что вспоил, вскормил, а то отец, что уму – разуму научил*; 3) опыт в житейских делах: *Не лезь поперек батьки в пекло*. На материале русских паремий с компонентом *отец* выделено восемь установок культуры: дети похожи на отца: *Каков отец,*

таковы и дети; Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын; главный долг отца – хорошо воспитать своих детей: Не тот отец, что породил, а тот, что воспитал; в бережливости отец часто превосходит сына: Отец накопил, а сын раструсил; сын может в чем-либо превосходить отца: Отец и тележного скрипу боялся, а сын в летчики подался; Отец в навозе копался, а сын в науку подался; мать важнее отца в жизни ребёнка: Без отца дитя – полсироты, без матери – полная сирота; дети должны уважать родителей, особенно отца: На отца суда нет; в опасном, трудном деле нужен совет старших, более опытных людей: Прежде отца в петлю не суйся; дети не любят того, от чего страдали их отцы: На отце воду важивали, так к сыну с хомутом не ходи.

На материале индонезийских паремий можно выделить следующие три положения: мать важнее отца в жизни ребёнка: *Отцу отдать почести один раз, а матери два раза*; сын похож на отца: *Что отец, то и сын*; отец не должен бросать своих детей, о том, кто оставил своих детей говорят: *Словно носорог, пожирающий своих детей*. Два положения совпадают в обеих лингвокультурах (мать важнее отца в жизни ребёнка, сын похож на отца). Лакунарной относительно русского языка является мысль о том, что отец не должен бросать своих детей. Не обнаружены на паремийном материале индонезийского языка положения о том, что главный долг отца – хорошо воспитать своих детей; в бережливости отец часто превосходит сына; дети должны уважать родителей, особенно отца; в опасном, трудном деле нужен совет старших, более опытных людей; дети не любят того, от чего страдали их отцы.

В шестом разделе «**Репрезентация микроконцепта муж в русской лингвокультуре**» проводится реконструкция стереотипных представлений носителей русской лингвокультуры пословичного микроконцепта муж. Пословицы, посвященные мужчине - мужу, количественно уступают пословицам, посвященным женщине - жене, и в русском, и в индонезийском материале: 85 (русс.) и 8 (индонез.) единиц соответственно. С шестнадцатью установками культуры русского языка соотносятся две установки культуры индонезийского языка. Главными установками культуры, отражающими национальный взгляд на роль мужа в семье, являются следующие: Муж является главой семьи: *Муж есть глава, а жена – подножье; Муж глава, жена – душа; Муж – глава жены*; Муж обеспечивает духовный мир в семье (духовную составляющую семьи): *Муж – крест на храме, а жена – крыша на бане; Муж в дому, что глава на церкви, жена в дому, что труба на бане*; Муж обеспечивает материальное благополучие своей семьи: *Муж дому строитель, нищете отгонитель*; Муж – защитник семьи и жены: *Сильну мужу меч не в нужу; Муженёк, хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижуси сиротой*.

В индонезийском и русском материале отражено представление о сластолюбии мужа. В русском пословичном фонде пословицы с такой характеристикой, по сравнению с

индонезийским, обладают большей частотностью: Мысль о том, что чужая жена лучше, выражена на материале паремий следующим образом: Русск.: *Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая; Своя жена – ворона, а чужая – соколёна; Не у всякого жена Марья, кому бог даст; Хороша Маша, да не наша; В чужую жену черт ложку меду кладет.* Индон.: *Красивее – чужая жена, самый лучший (хорошенький) – мой ребёнок (nan cantik bini orang, nan elok anak awak).* Только в русском языке пословицы предостерегают мужчину от чужой жены, так как измена разрушает семью: *На чужих жен не заглядывайся, а за свою пригляди! Вольно душить, чужих жен любить!* В индонезийской лингвокультуре разрыв с женой считается меньшим злом, чем разрыв со своей родной семьёй: *Порвалась нитка – можно связать, рассыпался уголёк – раз и навсегда (Putus benang, boleh disambung, putus arang berceraai lalu)* – ‘разведясь с женой, можно жениться снова, а, разойдясь с родными, воссоединиться трудно’, то есть кровно - родственные отношения ценятся больше, чем брачные отношения. Полное совпадение в обеих лингвокультурах только в одном: *муж должен держать жену в строгости.* Лакунарным для русского языка оказалось положение о том, что *муж должен уважать родителей своей жены.* К интеллекту мужа и в той, и в другой лингвокультуре, предъявляются высокие требования.

В **Заключении** обобщаются результаты работы. Концепт *семья* является актуальным для современного русского и индонезийского языкового сознания, имеет в русском и индонезийском языках обширное номинативное поле, репрезентированное широким кругом лексических, фразеологических и паремиологических единиц. Русский и индонезийский концепт *семья* имеет сложную структуру, представляющую собой интегральную совокупность ряда более конкретных, по отношению к нему, паремийных микроконцептов: *мать, отец, дети, муж, жена.* Для анализа в данной работе были отобраны микроконцепты наиболее широко представленные в русском паремийном поле: *мать* (150/28); *дети* (200/20); *жена* (159/12); *отец* (115/5); *муж* (85/8).

Русский и индонезийский концепт *семья* имеет как существенные типологические сходства, так и отличия. Наличие противоречивых признаков в энциклопедическом и интерпретационном поле свидетельствуют о проявлении национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социокультурными особенностями двух народов.

Установки культуры играют большую роль в объективации концепта и формировании национальной языковой картины мира. Установки культуры понимаются нами, вслед за В.Н. Телия, как своего рода идеалы, в соответствии с которыми человек, его поведение квалифицируется как «достойное/недостойное», заслуживающее положительной или отрицательной аксиологической оценки в обществе, языке и культуре. Установки культуры

вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки

В результате анализа более 700 русских и около 100 индонезийских паремий удалось выделить 70 установок культуры в русском языке и 41 установку культуры в индонезийском языке. В группе паремий, репрезентирующих понятие *семья*, выделено 11 (всего 14/11) установок культуры, совпадающих в обеих лингвокультурах; в группе паремий, отражающих понятие *мать*, обнаружено полное совпадение установок культуры в двух языках (всего 8/8); в группе паремий, репрезентирующих понятие *дети*, обнаружено 5 установок культуры общих для обоих языков (всего 14/8). В микроконцептах *жена*, *отец*, *муж* совпадений в культурных мировоззрениях практически не обнаружено (2:3:1), что соответствует реальному положению дел в социальном укладе жизни двух стран. Лакунарными по отношению к русской лингвокультуре оказалось 8 установок культуры; лакуны в индонезийском языке составили 14 единиц.

Выявление особенностей семантики, национально-культурной маркированности паремий репрезентирующих концепт *семья* на материале двух неблизкородственных языков, позволяет в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне установок культуры, стереотипов, образов и символов двух культур, что дает представление о некоторых специфических чертах русской и индонезийской ментальности, и будет способствовать оптимизации процесса межкультурной коммуникации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. «Паремиология и паремиография в индонезийской лингвистике» XL Международная филологическая конференция. – Вып. 23. – 14-19 марта 2011 г., Санкт-Петербург // Отв. ред. Н. А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет, 2012. с 71-75
2. «Термины родства в русском и индонезийском языках как фрагмент национальной картины мира» // Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов: материалы докладов и сообщения XVII научно-методическая международная конференция Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2012. С. 50-54
3. «Паремиологическая вербализация концепта ЖЕНА в русском языке (на фоне индонезийского языка)»// Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26-28 апреля 2012 г., Псков): в 2-х частях. Ч-2/ Отв. ред. Н.В. Большакова. – Псков: Изд. ПсковГУ, 2012. С 276-279.

4. «Вербализация концепта МАТЬ в русской фразеологии (на фоне индонезийского языка)»//Известия РГПУ им. А.И. Герцена № 152, 2012. с. 101-105.
5. «Паремии с компонентом СЕМЬЯ в русском языке (на фоне индонезийского языка)»//Русский язык и русская литература в XXI веке: развитие, изучение, обучение: Материалы докладов и сообщения XVIII научно-методической международной конференции Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. 05.02.13.
6. «Культура Минангкабао и ее влияние на развитие терминов родства в индонезийской культуре» // XLI Международная филологическая конференция. – Вып. 24. – 26-30 марта 2012 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н. А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет. 2013. С. 66-70